

ГЕМА ДНЯ

МАРСКОЙ ночью, разные стекла чехословацкого «Адама-Бодоша» не Садово-Кудринскойлице в Москве, зори покинули картины Левитана и Саврасова. Другой майской ночью акто, оставшийся после захвата в помещениях Музея Третьяковского на Мясницкой, храм множества всяких экспонатов, среди которых некоторые имели немалую историческую ценность. Конечно, нам, проваленным, запутанным различными статистиками и утесами пальцы за гравийные винты нашли ненадежных варти, над этими событиями речь всегда было бы покровительствовать: доказать, не угласла ли в нашем народе трада и прекрасно. Но горькой появится эта ирония. И даже не потому, что магнаты санье заменили позиции бесценных музеев экспонатов, сокрушили съезды для национальной культуры именем. В конце концов крали-ко во все времена. А потому, что события эти вызвали ровным счетом никакого общественного резонанса.

Застройщик предложил: День независимости России, Красный календарь...
Дни, предшествующие ему, предпраздничные настроения в украинских. О его приближении не спешили оповестить зрителей, попадая мокрые улицы с настичными транспарентами с миссионарскими изогнутыми, как было, скажем, во время давнего референдума. А

ШИРОКИ НАТУРЫ РУССКИЕ...

Этот день само название этого праздника звучит достаточно звонко. Так, кто, кажется, не может не вызвать бурного поэма пафосных речей еще многое до его наступления. Какая же связь между всеми ими, что общего Рамзодушин, изразчики по отношению к ним. Грамодушин по всему свету, кроме самих себя.

Какими бы не были громкие слова, от их беспомощного засора реальным содержанием они не наполняются. Более значимые темы не стоят.

Напротив — помните давнюю забаву — если находитесь рядом повторять подряд многочлен, то он как бы утрачивает свой смысл и начинает напоминать удивительно нелепое. Но он же повторяется, повторяется... Дополнительно же. То же самое происходит со сложными цепочками имен. Всегда разбираются, выясняют ли наебы, помнили, понимали, фонды и об-

щество, союзы и комитеты брошенного именами семинарского-то. А за всем этим ставленничество перестает быть настоящим членством в народе. При этом призывают и духов- и есть как-то разновидность у в самую сталь трансформиро- и рвать.

Но есть моменты вынужденные, сопутствующие и другая

свободы, но говорят, прекрасные и, конечно, приятные. Но почему-то именно в России прекрасные аб-

страктные категории забываются и не дают получаться

все на твоем ум прекрас- и. Ведь вот, например,

и я, кажется, понимаю, что ни- и, кажется, понимаю, что ни-

какой независимости, никакой

и никакой свободы, без строгого

облюдения законности быть

может. А на деле? Свобода

и в культуре свободы нет.

Может, преи, один из са-

мых. С. Александров, напи-

саный по поводу его славян- и

ских убеждений также

сказал:

По причинам организацион- и мы совсем не слышали

зарубежных симпозиумов

и индивидуальных сим- и

позиций. А ведь вот, например,

и я, кажется, понимаю, что ни-

какой независимости, никакой

и никакой свободы, без строгого

облюдения законности быть

может. А на деле?

Сергей БЕДНОВ.

Итак, в этом самое стране —

если бы не разокрутили, но

быть поднимались вновь и

и быть не самий

следний момент тщательно

обновлены не право пропа- и

сти, находясь в себе смыс- и

принципах, будем наде- и

ться, что останемся и не

из-за...

Сергей БЕДНОВ.

Итак, в этом самое стране —

если бы не разокрутили, но

быть поднимались вновь и

и быть не самий

следний момент тщательно

обновлены не право пропа- и

сти, находясь в себе смыс- и

принципах, будем наде- и

ться, что останемся и не

из-за...

Сергей БЕДНОВ.

Итак, в этом самое стране —

если бы не разокрутили, но

быть поднимались вновь и

и быть не самий

следний момент тщательно

обновлены не право пропа- и

сти, находясь в себе смыс- и

принципах, будем наде- и

ться, что останемся и не

из-за...

Сергей БЕДНОВ.

Итак, в этом самое стране —

если бы не разокрутили, но

быть поднимались вновь и

и быть не самий

следний момент тщательно

обновлены не право пропа- и

сти, находясь в себе смыс- и

принципах, будем наде- и

ться, что останемся и не

из-за...

Сергей БЕДНОВ.

Итак, в этом самое стране —

если бы не разокрутили, но

быть поднимались вновь и

и быть не самий

следний момент тщательно

обновлены не право пропа- и

сти, находясь в себе смыс- и

принципах, будем наде- и

ться, что останемся и не

из-за...

Сергей БЕДНОВ.

Итак, в этом самое стране —

если бы не разокрутили, но

быть поднимались вновь и

и быть не самий

следний момент тщательно

обновлены не право пропа- и

сти, находясь в себе смыс- и

принципах, будем наде- и

ться, что останемся и не

из-за...

Сергей БЕДНОВ.

Итак, в этом самое стране —

если бы не разокрутили, но

быть поднимались вновь и

и быть не самий

следний момент тщательно

обновлены не право пропа- и

сти, находясь в себе смыс- и

принципах, будем наде- и

ться, что останемся и не

из-за...

Сергей БЕДНОВ.

Итак, в этом самое стране —

если бы не разокрутили, но

быть поднимались вновь и

и быть не самий

следний момент тщательно

обновлены не право пропа- и

сти, находясь в себе смыс- и

принципах, будем наде- и

ться, что останемся и не

из-за...

Сергей БЕДНОВ.

Итак, в этом самое стране —

если бы не разокрутили, но

быть поднимались вновь и

и быть не самий

следний момент тщательно

обновлены не право пропа- и

сти, находясь в себе смыс- и

принципах, будем наде- и

ться, что останемся и не

из-за...

Сергей БЕДНОВ.

Итак, в этом самое стране —

если бы не разокрутили, но

быть поднимались вновь и

и быть не самий

следний момент тщательно

обновлены не право пропа- и

сти, находясь в себе смыс- и

принципах, будем наде- и

ться, что останемся и не

из-за...

Сергей БЕДНОВ.

Итак, в этом самое стране —

если бы не разокрутили, но

быть поднимались вновь и

и быть не самий

следний момент тщательно

обновлены не право пропа- и

сти, находясь в себе смыс- и

принципах, будем наде- и

ться, что останемся и не

из-за...

Сергей БЕДНОВ.

Итак, в этом самое стране —

если бы не разокрутили, но

быть поднимались вновь и

и быть не самий

следний момент тщательно

обновлены не право пропа- и

сти, находясь в себе смыс- и

принципах, будем наде- и

ться, что останемся и не

из-за...

Сергей БЕДНОВ.</

С ДАЛЬНЕГО БЕРЕГА

Лев Наврозов

Культура национальная и культура мировая

Мой погибший друг Евгений Винокуров рассказал мне, как они, советские писатели, приехали в Румынию, чтобы встретиться со своими румынскими коллегами, и что из этого вышло.

«История румынской культуры имеет свои вершины своих выдающихся деятелей. Возьмем словесность. Первая книга на славянском была напечатана в 1508 году, а на латыни в 1570-м (румынский язык вышел из местной латыни). Какое скрещение славяно-византийской и римской культуры! Что касается второй половины XX века, то имена всемирно известных шведских писателей мирового значения? Сведенборг, Страндберг... А сколько композиторов русского происхождения! — Нансеко, Скорая, или Чоран (о котором по-русски я буду писать для журнала «Иностранная литература»). Таким образом, Румыния в этом смысле не отличается от большинства стран мира. Сколько мы можем назвать всемирно известных шведских писателей мирового значения?

Сведенборг, Страндберг... А сколько композиторов? Но в каждой стране любой начитанный школьник назовет десятки имён деятелей культуры, которые известны в данной стране, и поэтому те местные жители, которые никогда не жили в других странах, уверены, что этих деятелей культуры обязан знать весь мир. В каждой стране местные деятели культуры видят избрание и поэтому часто кажутся гигантами своим соотечественникам, а на самом деле из других стран они могут быть не видны вообще. Американский романтик Вильям Хоулз был современником Толстого, и если бы задать вопрос: «Кто лучше: как романтик, Хоулз или Толстой?», то многие американские читатели сочли бы вопрос ослившимся. Хоулз был лучшим американским романтиком, а Толстой для американцев в конце концов был писателем какой-то полудикой страны. Даже теперь в статье «Американская литература» Британской энциклопедии «классического» (14-го) издания (1929—1973 гг.) Хоулзу уделено больше места, чем Марку Твену или Хемингуэю, или Фолкнеру, или Стейнбеку. Хоулзу посвящена отдельная огромная статья, которая превышает статью о Джеке Лондоне втрое. Американец — специалист по американской литературе, опубликовавший статью о Хоулзе, был поражен, когда я сказал ему, что Хоулз никогда не передавался ни на один язык мира, не известен он и в других странах английского языка, и даже не все специалисты по американской литературе вне США когда-либо слышали о нем.

Вот почему из встречи русских и румынских писателей вышел конфуз, о котором мне рассказал Винокуров.

При упоминании румынами Кантемира их русские собраты отверглись от него.

Но русские имели в виду русского поэта XVIII столетия, а румыны — его отца, философа-лингвиста-историка-просветителя, члена Берлинской академии.

А далее разговор свелся к тому, что румыны ссыпали именами, часто кончавшимися на «-ну», и поражались, что русские никогда их не слышали.

Ванкаревский! Русские не знают ни одного из четырех Ванкаревских? А Радулеску? Александреску? Но не будут же русские писатели утверждать, что они никогда не слышали — ха-ха-ха! — об Эминеску? Величайшем румынском поэте XIX века!

Вспоминается русский анекдот стольной давности о том, как американский учитель показался родителям своего ученика, что их сын говорит правду; ни они сами, ни он никогда не слыхали ни о каком Пушкине. Ха-ха-ха! Но дело в том, что, кроме специалистов по русской литературе, мало кто вне России слышал о Пушкине, что вызывает у многих русских уже не ходят, но все еще удивлены. Дело в том, что до сих пор не появилось переводов стихов Пушкина, хоть сколько-нибудь близко передающие все очарование его поэзии. Вот почему как бы ни было огромно значение Пушкина для русской культуры, его значение для мировой культуры отнюдь не таково, и пора бы перестать этому удивляться.

В начале века Россия была в смысле культуры наименее провинциальной страной, то есть страной наиболее чистой и мировой культуры, и следовательно, способной оценить и свою русскую культуру по мировому счету.

Русским повезло больше, чем румынам, шведам или канадцам. Три русских писателя — Толстой, Достоевский и Чехов — цепятся во всем мире как великие писатели мирового значения. А Пронофьев и Шостаковича слушают, как Бивальд, если не как Моцарт. Но в нынешних условиях это лишь усиливает проинициальную уверенность, что всякий российский культурный событие — это событие мирового значения.

Так, во втором годовщину со дня смерти Венедикта Ерофеева, американский руссоязычный еженедельник «Панорама» (май 12—18 1992 года) назвал погибшего «египетским писателем счастливой участки», то есть «классиком при жизни», который получил «устойчивое признание на Западе». На самом деле, у Ерофеева был лишь один шанс быть избранным на английском языке в престижном издательстве («Харпер и Рор»). Издательство дало мне книгу на внутреннюю рецензию. Я заключил, что она не представляет никакого интереса вне России. Издательство согласилось: книга не сыла в издания.

Нью-Йорк.

КОНСТИТУЦИЯ. МНЕНИЯ.

Ирэн Андреева:

«Высшая власть принадлежит народу»

— Не мой взгляд, и президентский, и парламентский проект Конституции предстают демократично. Со статьями 1 в тексте вводятся либо лишины, либо иноческие слова, неоднозначные формулировки. Так, во второй части статьи 1 говорится: «Единственный источником государственной власти в Российской Федерации является народ». Слово «источник» упоминается и в парламентском проекте. «Источник» — в данном случае слово весьма приблизительное. Не значит ли оно: член, который хочет? Почему народу сказать безоговорочно и ясно, что высшая власть принадлежит народу? Только в этом случае в России утвердится демократия, а все мы воспримем Конституцию как условия, которые народ ставит государству. Конституция есть закрепление прав и обязанностей власти по отношению к народу.

У меня есть претензии к ряду статей, декларирующих те права человека, которые являются естественными. Сюда я отношу право, которое настолько часто камуфлируется гигантами своим соотечественникам, а на самом деле из других стран они могут быть не видны вообще. Американский романтик Вильям Хоулз был современником Толстого, и если бы задать вопрос: «Кто лучше: как романтик, Хоулз или Толстой?», то многие американские читатели сочли бы вопрос ослившимся. Хоулз был лучшим американским романтиком, а Толстой для американцев в конце концов был писателем какой-то полудикой страны. Даже теперь в статье «Американская литература» Британской энциклопедии «классического» (14-го) издания (1929—1973 гг.) Хоулзу уделено больше места, чем Марку Твену или Хемингуэю, или Фолкнеру, или Стейнбеку.

Хоулзу посвящена отдельная огромная статья, которая превышает статью о Джеке Лондоне втрое. Американец — специалист по американской литературе, опубликовавший статью о Хоулзе, был поражен, когда я сказал ему, что Хоулз никогда не передавался ни на один язык мира, не известен он и в других странах английского языка, и даже не все специалисты по американской литературе вне США когда-либо слышали о нем.

Вот почему из встречи русских и румынских писателей вышел конфуз, о котором мне рассказал Винокуров.

При упоминании румынами Кантемира их русские собраты отверглись от него. Но русские имели в виду русского поэта XVIII столетия, а румыны — его отца, философа-лингвиста-историка-просветителя, члена Берлинской академии. А далее разговор свелся к тому, что румыны ссыпали именами, часто кончавшимися на «-ну», и поражались, что русские никогда их не слышали.

Ванкаревский! Русские не знают ни одного из четырех Ванкаревских? А Радулеску? Александреску? Но не будут же русские писатели утверждать, что они никогда не слышали — ха-ха-ха! — об Эминеску? Величайшем румынском поэте XIX века!

Вспоминается русский анекдот стольной давности о том, как американский учитель показался родителям своего ученика, что их сын говорит правду; ни они сами, ни он никогда не слыхали ни о каком Пушкине. Ха-ха-ха! Но дело в том, что, кроме специалистов по русской литературе, мало кто вне России слышал о Пушкине, что вызывает у многих русских уже не ходят, но все еще удивлены. Дело в том, что до сих пор не появилось переводов стихов Пушкина, хоть сколько-нибудь близко передающие все очарование его поэзии. Вот почему как бы ни было огромно значение Пушкина для русской культуры, его значение для мировой культуры отнюдь не таково, и пора бы перестать этому удивляться.

В начале века Россия была в смысле культуры наименее провинциальной страной, то есть страной наиболее чистой и мировой культуры, и следовательно, способной оценить и свою русскую культуру по мировому счету.

Русским повезло больше, чем румынам, шведам или канадцам. Три русских писателя — Толстой, Достоевский и Чехов — цепятся во всем мире как великие писатели мирового значения. А Пронофьев и Шостаковича слушают, как Бивальд, если не как Моцарт. Но в нынешних условиях это лишь усиливает проинициальную уверенность, что всякий российский культурный событие — это событие мирового значения.

Так, во втором годовщину со дня смерти Венедикта Ерофеева, американский руссоязычный еженедельник «Панорама» (май 12—18 1992 года) назвал погибшего «египетским писателем счастливой участки», то есть «классиком при жизни», который получил «устойчивое признание на Западе». На самом деле, у Ерофеева был лишь один шанс быть избранным на английском языке в престижном издательстве («Харпер и Рор»). Издательство дало мне книгу на внутреннюю рецензию. Я заключил, что она не представляет никакого интереса вне России. Издательство согласилось: книга не сыла в издания.

Нью-Йорк.

ПОПРОБУЕМ ОБЪЯСНИТЬСЯ

Эти новые старые имена

Не исключает повторного появления имен, связанных с именами выдающихся соотечественников, в других местах города. А наша любовь к Пушкину и Чехову, так же как и любовь к другим великим людям, никого не пострадает.

Все это возможно, что времена замечаем на улицах нашего узелка! Думается, что сам А. С. Пушкин, столица, горячо любивший Москву и считающий, что именно уважение к минувшему отличает образованность от дикости, первым принял бы в мигновение, узнав о перенесении Б. Дмитровки — улицы с 600-летней историей, в улицу его имени.

Кроме того, общеизвестно, что улицы Пушкина есть не то что в каждом городе, но даже поселке: таких улицы тысячи, а Б. Дмитровка — единственная в мире, она уникальна!

Даже с формальной точки зрения это замещение было сделано неудачно. В Москве имеется множество мемориальных пушкинских имена, такие как А. П. Чехов, К. С. Станиславский, И. М. Мечников, И. Е. Репин... Однако заповедник — есть заповедник, и правила, действующие для всех, то есть для памятников, связанных с именем Пушкина, не изменяются.

Естественно, что при этом порой возникают ситуации, когда ради воссоздания исторической справедливости приходится выбрасывать великие имена, такие как А. П. Чехов, К. С. Станиславский, И. М. Мечников, И. Е. Репин... Однако заповедник — есть заповедник, и правила, действующие для всех, то есть для памятников, связанных с именем Пушкина, не изменяются.

Попытаемся сообщить москвичам, что летом этого года в столице засорится еще одно топонимическое название, связанное с именем нашего

го национального гения. В районе Старого Арбата, почти в западной мемориальной зоне Пушкинских мест, будет возвращено наименование «Пушкинский сквер» на Садовской площадке, присвоенное еще временем Государственной Думы в 1917 году.

Долгие годы мы считали, что присвоение улицы имени какого-либо выдающегося деятеля является едва ли не самым главным способом уважения его памяти. На самом деле это, конечно, не так. Более того, это сплошные и рядом с памятниками барахлы. Заполните эти барахлы именами, детскими, конечно, и членами семействами барахлы. И в засыпьте этим барахлом дни и ночи, волны и пляжи, сны и бессны — что там у вас имеется! Кени, Ванвица, Синебастьян, Локарн! Так у нас не хуже. И так же вскользь опустите ся в Зимний театр кинозаводов в день открытия Открытого фестиваля.

Но почему было не так понимать, что последние уличные афоризмы, в которых вспоминают о памятниках, которые были созданы для фестиваля, не просто не достойны, но и опасны? Но почему не понимать, что памятники должны быть не просто памятниками, а памятниками, которые несут в себе что-то более ценное?

Почему не понимать, что памятники должны быть не просто памятниками, а памятниками, которые несут в себе что-то более ценное?

Почему не понимать, что памятники должны быть не просто памятниками, а памятниками, которые несут в себе что-то более ценное?

Почему не понимать, что памятники должны быть не просто памятниками, а памятниками, которые несут в себе что-то более ценное?

Почетные звания России

Указом Президента Российской Федерации Б. Ельцина за большие заслуги в области искусств почётное звание «Народный артист Российской Федерации» присвоено Хаматову Петровну — артистке Московского фольклорного центра «Гусская певчая».

Указом Президента Российской Федерации почётное звание «Заслуженный работник культуры» присвоено Кузьмину Николаю Николаевичу и Левашеву Владимиру Александровичу — артистам театра и кино, город Москва.

Указом Президента Российской Федерации почётное звание «Заслуженный работник культуры» присвоено Ордынцеву Марине Мамедовне — профессору Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского.

Указом Президента Российской Федерации почётное звание «Заслуженный работник культуры» присвоено Соловьеву Геннадию Геннадьевичу — артисту Московского театра «Ленком».

Указом Президента Российской Федерации почётное звание «Заслуженный работник культуры» присвоено Соловьеву Геннадию Геннадьевичу — артисту Московского театра «Ленком».

Указом Президента Российской Федерации почётное звание «Заслуженный работник культуры» присвоено Соловьеву Геннадию Геннадьевичу — артисту Московского театра «Ленком».

Указом Президента Российской Федерации почётное звание «Заслуженный работник культуры» присвоено Соловьеву Геннадию Геннадьевичу — артисту Московского театра «Ленком».

Указом Президента Российской Федерации почётное звание «Заслуженный работник культуры» присвоено Соловьеву Геннадию Геннадьевичу — артисту Московского театра «Ленком».

Указом Президента Российской Федерации почётное звание «Заслуженный работник культуры» присвоено Соловьеву Геннадию Геннадьевичу — артисту Московского театра «Ленком».

Указом Президента Российской Федерации почётное звание «Заслуженный работник культуры» присвоено Соловьеву Геннадию Геннадьевичу — артисту Московского театра «Ленком».

Указом Президента Российской Федерации почётное звание «Заслуженный работник культуры» присвоено Соловьеву Геннадию Геннадьевичу — артисту Московского театра «Ленком».

Указом Президента Российской Федерации почётное звание «Заслуженный работник культуры» присвоено Соловьеву Геннадию Геннадьевичу — артисту Московского театра «Ленком».

Указом Президента Российской Федерации почётное звание «Заслуженный работник культуры» присвоено Соловьеву Геннадию Геннадьевичу — артисту Московского театра «Ленком».

Указом Президента Российской Федерации почётное звание «Заслуженный работник культуры» присвоено Соловьеву Геннадию Геннадьевичу — артисту Московского театра «Ленком».

Указом Президента Российской Федерации почётное звание «Заслуженный работник культуры» присвоено Соловьеву Геннадию Геннадьевичу — артисту Московского театра «Ленком».

Указом Президента Российской Федерации почётное звание «Заслуженный работник культуры» присвоено Соловьеву Геннадию Геннадьевичу — артисту Московского театра «Ленком».

Указом Президента Российской Федерации почётное звание «Заслуженный работник культуры» присвоено Соловьеву Геннадию Геннадьевичу — артисту Московского театра «Ленком».

Указом Президента Российской Федерации почётное звание «Заслуженный работник культуры» присвоено Соловьеву Геннадию Геннадьевичу — артисту Московского театра «Ленком».

Указом Президента Российской Федерации почётное звание «Заслуженный работник культуры» присвоено Соловьеву Геннадию Геннадьевичу — артисту Московского театра «Ленком».

Указом Президента Российской Федерации почётное звание «Заслуженный работник культуры» присвоено Соловьеву Геннадию Геннадьевичу

Человеку всегда хотелось узнать свое будущее. Наверное, потому до сих пор так популярны гадалки, астрологи, маги. Но есть еще один более достоверный способ заглянуть в завтрашний день. С помощью науки.

Знаете ли вы, что появился вирус, от которого вся страна может впасть в депрессию? Или — что со временем люди приспособятся к радиации, и она не будет оказывать пагубного воздействия на человека? А то, что богатой Марине не подобилось бы плакать сто с лишним раз — современная наука мигом бы определила, кто чай ребенок?

Обо всем этом читайте на нашей полосе, которую подготовила Н. Русакова.

и они погибнут. Человек выжил потому, что до сих пор устоял противно реагировать на удары судьбы. Он перенес два колоссальных кризиса — экологический, который привел к возникновению первого периода. Человек оказался в природе слабее многих живых существ — он создает брудь. Начался ледниковый период — он употребляет животную пищу, догадывается снять шкуру со зверя, устраивает себе жилище. И позже он все время успевал: появлялась новая борьба — он открывал противодействие.

Но может случиться и так, что на какие-то катаклизмы человек не сможет быстро отреагировать. Мы потребляем все больше энергии, часть ее уходит в пространство — от этого разогревается атмосфера. Появляется содержание углекислоты, увеличиваются озоновые дыры — пробивающиеся через них ультрафиолет вызывает мутации. При таком положении мы погубим планету лет за сто — в этом pessimистично.

Или представьте себе: на Землю лежит метеорит. Сейчас в мире нет средств, чтобы заменить его изменивать траекторию. Вряд ли мы даже сумеем эвакуировать огромное число людей в предполагаемом месте падения. Или — появляется новая болезнь, и человек не успевает придумать лекарства. При нынешних широких контактах между странами она в короткий срок может охватить весь планету.

Что же может предотвратить катастрофу? Прежде всего необходимо вывести тяжелые, энергетические производство в космос. Никакие косметические меры не спасут окружающую среду. Уже сейчас в космосе строятся большие орбитальные станции, и скоро все это, в ближайшие 100—150 лет проблема высадки на Землю будет решена.

Второй шаг — это создание единого мирового общечеловеческого правительства. Сей час возможно, такая идея кажется фантастичной. Но я убежден, что рано или поздно она захватит умы. Человечество еще не осознало себя как систему, и одни элементы его воюют против других. Нужен центр, который связал бы ее в единую систему. Тогда бы выработались огромные средства, чтобы идти сейчас на вооружение, в единственной армии — при мировом правительстве — выполняла бы роль полиции во время возникновения беспорядков в каком-либо регионе мира. Войска ООН, у которых борда бы не было никаких сибирь, — малочисленны и слабы. Национальные армии гораздо сильнее их. Я уже не говорю, что все задачи по выживанию человечества таким правительством решались бы быстрее и успешнее. Вряд ли, конечно, это дело ближайшего будущего. Мы, по-настоящему еще не поняли, что нам грозит и продолжаем жить одними.

Человек побудил в зоологии — сегодня нет на Земле врагов, которых бы он не мог одолеть. Но жизнь у него не сладкая. Кто знает, какие катаклизмы еще встретятся на его пути? Вот, к примеру, мы в своей стране десятилетия живли тихо, спокойно, как те морские губки. И вдруг внезапно, резко социальные перемены. Мы как бы перепрыгнули через десятилетия (в момент, и стояли) и нос и носу столкнулись со своими будущими. В 1970-х годах американский социолог и психолог Тоффлер выступил концепцией футурологии — наше поколение насторожено на определенный ритм постепенных изменений. И если допустим, что под все меняется, как за десять лет, человек часто впадает в депрессию, разочарование, он не знает, за что браться, с чего начать день. Поэтому, многие из нас сейчас находятся в таком состоянии. Прогресс остановил нервозно, поэтому единственным способом выжить сейчас — это стараться успевать реагировать на перемены, быть все время в темпе.

Человек — существо очень глубокое, у него колоссальная способность адаптироваться в данных условиях и умение приспособиться к изменившимся условиям. Когда в мире все спокойно — вымирают первые. Морские губки, например, за миллиарды лет не претерпели никаких изменений. Но все хорошо, он достигает максимального роста, нормаль-

ного роста. Если же, из работников Центра — когда лежит большинство душевных, в людях проявляется самое настоящее. Вернадский считал сама эволюция — гарант вечности человека, его выживаемости. Аппоненты полагают, что разумная жизнь на земле может прекратиться через 100—200 лет. Я думаю, человечество обладает достаточными запасами прочности, чтобы выдержать все испытания. Но возможно, это ему придется заплатить очень дорогую цену.

Что винят наследию? Существует две модели выживаемости способность адаптироваться в данных условиях и умение приспособиться к изменившимся условиям. Когда в мире все спокойно — вымирают первые. Морские губки, например, за миллиарды лет не претерпели никаких изменений. Но все хорошо, он достигает максимального роста, нормаль-

ного роста. Человек выжил потому, что до сих пор устоял противно реагировать на удары судьбы. Он перенес два колоссальных кризиса — экологический, который привел к возникновению первого периода. Человек оказался в природе слабее многих живых существ — он создает брудь. Начался ледниковый период — он употребляет животную пищу, догадывается снять шкуру со зверя, устраивает себе жилище. И позже он все время успевал: появлялась новая борьба — он открывал противодействие.

Недавно в печати появилось сенсационное сообщение: обнаружен новый вирус, сходный с вирусом СПИДа. У тех, кого он поражает, возникают алаты, явления, подавленность. Это болезнь называется синдромом хронической усталости. Мы попытались узнать подробности. Наши вопросы отвечает главный врач Клинической больницы им. Соловьева — клиники изобретений доктор медицинских наук Вильмир Семёнович ЧУГУНОВ.

Болел целый оркестр. Следовательно, эта болезнь может заразиться. С другой стороны, бывает и так, что заболевает один член семьи, а все остальные — здоровы. По всей вероятности, для того, чтобы активизировался вирус, нужны соответствующие условия.

В последнее время очень сильно изменились и будущее наше жизни. Тя, кто не был в Москве хотя бы год, замечает, как плохо выглядят сейчас москвичи. Дело даже не в том,

что на улице мало улыбаются лица у нас и раньше были не очень радостными. Но сегодня на них — печать глубокой усталости, недовольства, недосыпания, постоянной тревоги. Может быть, поэтому синдром хронической усталости нам удается справляться быстрее и успешнее, чем нашим зарубежным коллегам, у которых установка на одну фармакологию.

Однако ли это? Разумеется. Заболевание не простое, таблеткой аспирином от него не вылечишься. Повторю, оно может растянуться на многие месяцы и даже годы. Знают, человек выброшен из активной жизни. Но в то же время, это не фатальная болезнь. Это не СПИД. Наша клиника вместе с Институтом иммунологии и американскими учеными из Сан-Франциско создали препарат кимантан, которым излечивается синдром хронической усталости — не сразу, но излечивается. Однако таблетка — это одна десетая, а может, и сотая того необходимого, что способно победить болезнь. В нас в ходе процедуры, основанные на нетрадиционных методиках. Тут и недавнее голодание, и релаксационная гимнастика по системе йогов, и аутогенез, и психотерапия. Этим методом — более ста. Для каждого пациента мы разрабатываем свою программу лечения.

Многим сейчас приходится братать-брать работы, жертвовать выходными. И самое главное, чтобы каждый сегодня опасается за завтрашний день.

А вот эти длительные, затяжные стрессы — опасны для организма, чем более острые, но кратковременные. Учтывая такие обстоятельства, можно сказать, что большинство москвичей сейчас предрасположено к синдрому хронической усталости. И говорю только о столице, потому что половина в других городах мне известна меньше. Эти болезни поражают прежде всего женщин — и мужчин. Извините, но на Земле лежит в основе болезни — на женщине.

Что же может предотвратить катастрофу? Прежде всего необходимо вывести тяжелые, энергетические производство в космос. Никакие косметические меры не спасут окружающую среду.

Уже сейчас в космосе строятся большие орбитальные станции, и скоро все это, в ближайшие 100—150 лет

проблема высадки на Землю будет решена.

Что же может предотвратить катастрофу? Прежде всего необходимо вывести тяжелые, энергетические производство в космос. Никакие косметические меры не спасут окружающую среду.

Уже сейчас в космосе строятся большие орбитальные станции, и скоро все это, в ближайшие 100—150 лет

проблема высадки на Землю будет решена.

Что же может предотвратить катастрофу? Прежде всего необходимо вывести тяжелые, энергетические производство в космос. Никакие косметические меры не спасут окружающую среду.

Уже сейчас в космосе строятся большие орбитальные станции, и скоро все это, в ближайшие 100—150 лет

проблема высадки на Землю будет решена.

Что же может предотвратить катастрофу? Прежде всего необходимо вывести тяжелые, энергетические производство в космос. Никакие косметические меры не спасут окружающую среду.

Уже сейчас в космосе строятся большие орбитальные станции, и скоро все это, в ближайшие 100—150 лет

проблема высадки на Землю будет решена.

Что же может предотвратить катастрофу? Прежде всего необходимо вывести тяжелые, энергетические производство в космос. Никакие косметические меры не спасут окружающую среду.

Уже сейчас в космосе строятся большие орбитальные станции, и скоро все это, в ближайшие 100—150 лет

проблема высадки на Землю будет решена.

Что же может предотвратить катастрофу? Прежде всего необходимо вывести тяжелые, энергетические производство в космос. Никакие косметические меры не спасут окружающую среду.

Уже сейчас в космосе строятся большие орбитальные станции, и скоро все это, в ближайшие 100—150 лет

проблема высадки на Землю будет решена.

Что же может предотвратить катастрофу? Прежде всего необходимо вывести тяжелые, энергетические производство в космос. Никакие косметические меры не спасут окружающую среду.

Уже сейчас в космосе строятся большие орбитальные станции, и скоро все это, в ближайшие 100—150 лет

проблема высадки на Землю будет решена.

Что же может предотвратить катастрофу? Прежде всего необходимо вывести тяжелые, энергетические производство в космос. Никакие косметические меры не спасут окружающую среду.

Уже сейчас в космосе строятся большие орбитальные станции, и скоро все это, в ближайшие 100—150 лет

проблема высадки на Землю будет решена.

Что же может предотвратить катастрофу? Прежде всего необходимо вывести тяжелые, энергетические производство в космос. Никакие косметические меры не спасут окружающую среду.

Уже сейчас в космосе строятся большие орбитальные станции, и скоро все это, в ближайшие 100—150 лет

проблема высадки на Землю будет решена.

Что же может предотвратить катастрофу? Прежде всего необходимо вывести тяжелые, энергетические производство в космос. Никакие косметические меры не спасут окружающую среду.

Уже сейчас в космосе строятся большие орбитальные станции, и скоро все это, в ближайшие 100—150 лет

проблема высадки на Землю будет решена.

Что же может предотвратить катастрофу? Прежде всего необходимо вывести тяжелые, энергетические производство в космос. Никакие косметические меры не спасут окружающую среду.

Уже сейчас в космосе строятся большие орбитальные станции, и скоро все это, в ближайшие 100—150 лет

проблема высадки на Землю будет решена.

Что же может предотвратить катастрофу? Прежде всего необходимо вывести тяжелые, энергетические производство в космос. Никакие косметические меры не спасут окружающую среду.

Уже сейчас в космосе строятся большие орбитальные станции, и скоро все это, в ближайшие 100—150 лет

проблема высадки на Землю будет решена.

Что же может предотвратить катастрофу? Прежде всего необходимо вывести тяжелые, энергетические производство в космос. Никакие косметические меры не спасут окружающую среду.

Уже сейчас в космосе строятся большие орбитальные станции, и скоро все это, в ближайшие 100—150 лет

проблема высадки на Землю будет решена.

Что же может предотвратить катастрофу? Прежде всего необходимо вывести тяжелые, энергетические производство в космос. Никакие косметические меры не спасут окружающую среду.

Уже сейчас в космосе строятся большие орбитальные станции, и скоро все это, в ближайшие 100—150 лет

проблема высадки на Землю будет решена.

Что же может предотвратить катастрофу? Прежде всего необходимо вывести тяжелые, энергетические производство в космос. Никакие косметические меры не спасут окружающую среду.

Уже сейчас в космосе строятся большие орбитальные станции, и скоро все это, в ближайшие 100—150 лет

проблема высадки на Землю будет решена.

Что же может предотвратить катастрофу? Прежде всего необходимо вывести тяжелые, энергетические производство в космос. Никакие косметические меры не спасут окружающую среду.

Уже сейчас в космосе строятся большие орбитальные станции, и скоро все это, в ближайшие 100—150 лет

проблема высадки на Землю будет решена.

Что же может предотвратить катастрофу? Прежде всего необходимо вывести тяжелые, энергетические производство в космос. Никакие косметические меры не спасут окружающую среду.

Уже сейчас в космосе строятся большие орбитальные станции, и скоро все это, в ближайшие 100—150 лет

проблема высадки на Землю будет решена.

Что же может предотвратить катастрофу? Прежде всего необходимо вывести тяжелые, энергетические производство в космос. Никакие косметические меры не спасут окружающую среду.

Уже сейчас в космосе строятся большие орбитальные станции, и скоро все это, в ближайшие 100—150 лет

проблема высадки на Землю будет решена.

Что же может предотвратить катастрофу? Прежде всего необходимо вывести тяжелые, энергетические производство в космос. Никакие косметические меры не спасут окружающую среду.

Уже сейчас в космосе строятся большие орбитальные станции, и скоро все это, в ближайшие 100—150 лет

проблема высадки на Землю будет решена.

Что же может предотвратить катастрофу? Прежде всего необходимо вывести тяжелые, энергетические производство в космос. Никакие косметические меры не спасут окружающую среду.

Уже сейчас в космосе строятся большие орбитальные станции, и скоро все это, в ближайшие 100—150 лет

проблема высадки на Землю будет решена.

Что же может предотвратить ката

ИМЕНА

Отношение к ней любого зрителя всегда граничит с крайностью: либо обожание, либо такое же категоричное неприятие. Она восхищает и шокирует, пленяет и раздражает, кажется утонченной и манерной. **Причина! Наталья Теникова** — не одна из... Она — одна. А это, признаитесь, большая редкость.

Актриса не для всех

Странные модуляции ее крикливого голоса и принудительность интонаций, изолированность жеста и приязненность позы уединенных и непредсказуемых. Ибо всегда привлекают не только ее, актрису, но и тем, живущим в растворении в ней, она выходит на сцену. Вернее, не живущим, в Женщине, сотканной из непостижимой индивидуальности актрисы и притягивающей. Словно прорыв душу Богу Искусства, эта Женщина вновь становится возможной из недритея то в далекой мольеровской Франции, то в суровой Скандинавии, то в чеховской России. И торопясь сказать и сделать то, что не успела в прошлой жизни, вновь бросается в водоворот страсти и ярости, любви в разочаровании, прокричаний и синих.

Ее Женщина — душа театра, рожденная под сенью кудес и уходящая в из сумрачную тишину. Как и Теникова — члены театра. И не только потому, что театр она знала предпочтительнее, например, кино. Она театральная прежде всего в том, скогдай побывала на сцене этого слова, когда театр являлся нам на своих подиумах нечто совершенное иное, чем поэзия — будничность с ее набившимися оскорблениями и магией поведения. Теникова никогда не покрывает лицо, она ее творит, повинуясь nimbusым законам. В ее Театре все застено, подчеркнуто, но не надуманно; реально, но не настуртистично. Она избегает быть, но рождает бытие. Да, звучит громко, но это действительно так. И только тот, кто сможет принять эти правила игры, поймет и примет Теникову. Для других есть другие актрисы.

Каждому свое. Тениковой удалось миновать изкуственность и долгий путь к признанию, порой растягивающийся на годы. Она избежала тоскливого мальчишника в массовиках и скромного изучения подиумов. Она как-то сразу попала в обоймут, едва лишь вышла в 1965 году на сцену ЛГТИМика на сцену Ленинградского театра имени Ленинского комсомола в роли Попли Пинка в «Президентской опере» Б. Брайса. А затем в ее послужном списке замечания единственные на выдающиеся наряды и премии, полученные на различных смотрах и конкурсах театральной молодежи.

В 1968 году Теникова позвалась в БДТ — театр, гремевший тогда на весь Союз. Она успела сыграть Агнью в легендарном творчестве С. Станиславского и М. Чехова в «Лисе и винограде», Юлия в «Дачниках», Марью Аントонову в «Гензерзере». Вера в трех миражах сорной пшеницы. Работала много — остро, ярко, пылально. «Звезда», впрочем, не стала. Да тогда у нас и не было приognito делать кинозвезд. Мы были страной коллектива.

В мире театра все дороги ведут в Москву. Сколько уникальных дарований подарила ей только одна БДТ — И. Смокуновский, О. Борисов, Т. Доронина. В самом конце семидесятых она встретила С. Юрского и Н. Теникова. Москва умела собирать таланты. Она же, как никто, способна на разбазаривание. Можно, правда, повторить за щипцами фабуловской «толпой»: «Москва, вишь, виновата...». Можно сказать и по-другому: кому много дано, с того много и спросят.

В Москве, в Театре имени МХАТа Тениковой привлеклась к незнакомому рисунку роли. Теникова же была прежде всего самостоительна. И спектакли менялись, не могли не меняться. Актриса была способна на большее. Но много ли стояло — она не могла ни меняться, ни шокировать, пленять, а главное — свободу, только — кратковременный порыв, только —

полнейшая откровенность и открытость. Кому-то это казалось чрезвычайным, кто-то видел до конца.

А потом была Раневская — неоднозначная и на редкость непростоматичная. Помоложевшая на двадцать лет со сравнением со штапами этого образа, с модной стрижкой и в изысканных туалетах, она своим появлением рождала ажиотаж не равный России начала века, в какой-то неведомой стране грезы, стране-мечты, быть может, никогда и не существовавшей в действительности, но которую так больно, так горяко герой.

Пусть меня в очередной раз обвинят в недостатке хорошего вкуса, но я безумно люблю африканский «Виннипегский сад», отвернутый большинством критиков. Люблю его красущую сентиментальность, щемящую настальность, его тонкость и проникновение, его глубину, которая открывается не сразу. Теникова царит в этом спектакле. Более того, без нее этого «Виннипега» сада не могло случиться. Такого — лучше или хуже. Такого — не было. Она играет «без концепции», не педалируя никаких идей, не обнажая и не защищая никакого. Она — Женщина, стоящая у черты, которой невозможно помочь. Она вынуждена быть сильной в своем одиночестве, ничем не вынуждена. Ни когда еще Теникова так не «жаждала на сцене, никогда не выплыла из такой ураганной волны чувств в молчании и капуцинске бездействия». В дальнем углу последнего бала, сопровождаемого романтическими «свадебными свиданиями». Осталась только отчаянно сопротивлявшаяся ей Гадда — «Стюарт». Всего лишь слово, сказанные спокойно и просто, почти без эмоций. Но за них вдруг открылась такая бездна одиночества, неистраченных чувств, безумной тоски странной птицы, нагнувшей запертый в клетке клюв. И все вокруг словно бы перевернулось — куда-то чистые кристаллические знакомства ее страстей, даже — прозаикализированная вселенским «свадьбой». Осталась только отчаянно сопротивлявшаяся ей Гадда — Теникова, таинственный красавец, такой странной, такой странной и такой одиночной. Вот так. Прошли много лет, в слово это звучит в памяти, как будто никогда не было.

Пародия актрисы. Увидев ее в «Гедде Габлер», кажется, что она уже не может быть никой. Пусть меняются пьесы, роли, но в них скажется все та же утонченность, каприсность, ее глубина, которая открывается не сразу. Теникова царит в этом спектакле. Более того, без нее этого «Виннипега» сада не могло случиться. Такого — лучше или хуже. Такого — не было. Она играет «без концепции», не педалируя никаких идей, не обнажая и не защищая никакого. Она — Женщина, стоящая у черты, которой невозможно помочь. Она вынуждена быть сильной в своем одиночестве, ничем не вынуждена. Ни когда еще Теникова так не «жаждала на сцене, никогда не выплыла из такой ураганной волны чувств в молчании и капуцинске бездействия». В дальнем углу последнего бала, сопровождаемого романтическими «свадебными свиданиями». Осталась только отчаянно сопротивлявшаяся ей Гадда — «Стюарт». Всего лишь слово, сказанные спокойно и просто, почти без эмоций. Но за них вдруг открылась такая бездна одиночества, неистраченных чувств, безумной тоски странной птицы, нагнувшей запертый в клетке клюв. И все вокруг словно бы перевернулось — куда-то чистые кристаллические знакомства ее страстей, даже — прозаикализированная вселенским «свадьбой». Осталась только отчаянно сопротивлявшаяся ей Гадда — Теникова, таинственный красавец, такой странной, такой странной и такой одиночной. Вот так. Прошли много лет, в слово это звучит в памяти, как будто никогда не было.

А как она уходила... Не из дома, не из имени — из этой жизни, из этой эпохи, из этой страны-грезы. Своей рукой, реактивно и бездумально она опровергнула однажды учелюшевую колонку — острое прошлое, и уходит не отглядываясь на зеву ее падения, с гордо поднятой головой, без единой слезинки. Глаза же дружно утирали актрисы.

Сторона Наталья Теникова может показаться вполне благополучной актрисой — не ее зодиак, не дарят цветы и провожают аплодисментами. У нее сложился не редкость — удивительный дуэт в жизни и в искусстве с Сергеем Юрским, который, наверное, как никто, понимает уникальность ее таланта, помогая ему раскрыться. Проще говоря, дает актрисе работать. Но несмотря на кажущуюся блогополучие, почему-то не дает покоя мысль о том, как мало, как непостижимо мало ей удается реализовать из того, что даровано Богом. Ведь из Тениковой даже не надо «делать» «звезду», она ее родилась. Нужно просто понять, что есть звезда, а есть одиночка звезда, свет которых не менее ярок. А иногда подумается — а ведь какой у них мог быть театр, свой театр. Театр Мастера и его Актрисы. За привычками в России далеко ходить не надо. Теникова заслужила такой театр, Юрский заслужил право на его создание.

Ну, а пока на днях в день на сцену выходит Женщина, несущая тайну — свою и актрисы. Пусть век ее короток, но она возрождается вновь и вновь — в другой эпохе, в другой жизни. Женщина не для всех. История ее не знает границ и пределов. Только — свобода, только —

МИР ИСКУССТВА

11 июня 1993 г. 8

Два капитана — Гребенщикова и Курехина

СМЕХ СКВОЗЬ СЛЕЗЫ

Героем лермонтовского времени был Печорин, героем прошедшего десятилетия, однозначных и очевидных 80-х, без натяжки можно назвать Бориса Гребенщикова — камик-рок-звезды, философствующего поэта, пророка в Отчестве своем, и так далее.

Корифеем этой мужественной профессии рано или поздно попадают в кинематограф. Виктор Цой почти сразу взялся за главную роль в «Игле». Гребенщиков собирается несколько дальше и, прежде чем принять жребий типа «весь вечер на арене» («Два капитана» — 2), несколько раз появляется в кадре как бы вторым планом, вне какой-либо роли, и не один, а с любимыми «Аквариумами» («Ассы», «Черная роза» — эмблема печали...). Называнные фильмы обожаны ему, однако, многими — атмосферой, создающейся его песнями и вышедшей за рамки сюжета, кадра, смысла...

Лента «Два капитана» — режиссер С. Дебильев, показанная в Киноцентре былое потрясение как-то предварить свой фильм словами Сергея Дебильева улыбка на пятнадцатую и страшнюю, будто он не на сцене, а в позорном стобле: «Все вы знаете, что кинематограф — это не искусство...» — «Проникнуть в большой зал Киноцентра былое потрясение, как в большой театр в день премьеры. Перед просмотром — встреча с гвардиями, светское общество, шутки, вопросы. В безнадежной попытке как-то предварить свой фильм словами Сергея Дебильева улыбка на пятнадцатую и страшную, будто он не на сцене, а в позорном стобле: «Все вы знаете, что кинематограф — это не искусство...» — «Проникнуть в большой зал Киноцентра былое потрясение, как в большой театр в день премьеры. Перед просмотром — встреча с гвардиями, светское общество, шутки, вопросы. В безнадежной попытке как-то предварить свой фильм словами Сергея Дебильева улыбка на пятнадцатую и страшную, будто он не на сцене, а в позорном стобле: «Все вы знаете, что кинематограф — это не искусство...» — «Проникнуть в большой зал Киноцентра былое потрясение, как в большой театр в день премьеры. Перед просмотром — встреча с гвардиями, светское общество, шутки, вопросы. В безнадежной попытке как-то предварить свой фильм словами Сергея Дебильева улыбка на пятнадцатую и страшную, будто он не на сцене, а в позорном стобле: «Все вы знаете, что кинематограф — это не искусство...» — «Проникнуть в большой зал Киноцентра былое потрясение, как в большой театр в день премьеры. Перед просмотром — встреча с гвардиями, светское общество, шутки, вопросы. В безнадежной попытке как-то предварить свой фильм словами Сергея Дебильева улыбка на пятнадцатую и страшную, будто он не на сцене, а в позорном стобле: «Все вы знаете, что кинематограф — это не искусство...» — «Проникнуть в большой зал Киноцентра былое потрясение, как в большой театр в день премьеры. Перед просмотром — встреча с гвардиями, светское общество, шутки, вопросы. В безнадежной попытке как-то предварить свой фильм словами Сергея Дебильева улыбка на пятнадцатую и страшную, будто он не на сцене, а в позорном стобле: «Все вы знаете, что кинематограф — это не искусство...» — «Проникнуть в большой зал Киноцентра былое потрясение, как в большой театр в день премьеры. Перед просмотром — встреча с гвардиями, светское общество, шутки, вопросы. В безнадежной попытке как-то предварить свой фильм словами Сергея Дебильева улыбка на пятнадцатую и страшную, будто он не на сцене, а в позорном стобле: «Все вы знаете, что кинематограф — это не искусство...» — «Проникнуть в большой зал Киноцентра былое потрясение, как в большой театр в день премьеры. Перед просмотром — встреча с гвардиями, светское общество, шутки, вопросы. В безнадежной попытке как-то предварить свой фильм словами Сергея Дебильева улыбка на пятнадцатую и страшную, будто он не на сцене, а в позорном стобле: «Все вы знаете, что кинематограф — это не искусство...» — «Проникнуть в большой зал Киноцентра былое потрясение, как в большой театр в день премьеры. Перед просмотром — встреча с гвардиями, светское общество, шутки, вопросы. В безнадежной попытке как-то предварить свой фильм словами Сергея Дебильева улыбка на пятнадцатую и страшную, будто он не на сцене, а в позорном стобле: «Все вы знаете, что кинематограф — это не искусство...» — «Проникнуть в большой зал Киноцентра былое потрясение, как в большой театр в день премьеры. Перед просмотром — встреча с гвардиями, светское общество, шутки, вопросы. В безнадежной попытке как-то предварить свой фильм словами Сергея Дебильева улыбка на пятнадцатую и страшную, будто он не на сцене, а в позорном стобле: «Все вы знаете, что кинематограф — это не искусство...» — «Проникнуть в большой зал Киноцентра былое потрясение, как в большой театр в день премьеры. Перед просмотром — встреча с гвардиями, светское общество, шутки, вопросы. В безнадежной попытке как-то предварить свой фильм словами Сергея Дебильева улыбка на пятнадцатую и страшную, будто он не на сцене, а в позорном стобле: «Все вы знаете, что кинематограф — это не искусство...» — «Проникнуть в большой зал Киноцентра былое потрясение, как в большой театр в день премьеры. Перед просмотром — встреча с гвардиями, светское общество, шутки, вопросы. В безнадежной попытке как-то предварить свой фильм словами Сергея Дебильева улыбка на пятнадцатую и страшную, будто он не на сцене, а в позорном стобле: «Все вы знаете, что кинематограф — это не искусство...» — «Проникнуть в большой зал Киноцентра былое потрясение, как в большой театр в день премьеры. Перед просмотром — встреча с гвардиями, светское общество, шутки, вопросы. В безнадежной попытке как-то предварить свой фильм словами Сергея Дебильева улыбка на пятнадцатую и страшную, будто он не на сцене, а в позорном стобле: «Все вы знаете, что кинематограф — это не искусство...» — «Проникнуть в большой зал Киноцентра былое потрясение, как в большой театр в день премьеры. Перед просмотром — встреча с гвардиями, светское общество, шутки, вопросы. В безнадежной попытке как-то предварить свой фильм словами Сергея Дебильева улыбка на пятнадцатую и страшную, будто он не на сцене, а в позорном стобле: «Все вы знаете, что кинематограф — это не искусство...» — «Проникнуть в большой зал Киноцентра былое потрясение, как в большой театр в день премьеры. Перед просмотром — встреча с гвардиями, светское общество, шутки, вопросы. В безнадежной попытке как-то предварить свой фильм словами Сергея Дебильева улыбка на пятнадцатую и страшную, будто он не на сцене, а в позорном стобле: «Все вы знаете, что кинематограф — это не искусство...» — «Проникнуть в большой зал Киноцентра былое потрясение, как в большой театр в день премьеры. Перед просмотром — встреча с гвардиями, светское общество, шутки, вопросы. В безнадежной попытке как-то предварить свой фильм словами Сергея Дебильева улыбка на пятнадцатую и страшную, будто он не на сцене, а в позорном стобле: «Все вы знаете, что кинематограф — это не искусство...» — «Проникнуть в большой зал Киноцентра былое потрясение, как в большой театр в день премьеры. Перед просмотром — встреча с гвардиями, светское общество, шутки, вопросы. В безнадежной попытке как-то предварить свой фильм словами Сергея Дебильева улыбка на пятнадцатую и страшную, будто он не на сцене, а в позорном стобле: «Все вы знаете, что кинематограф — это не искусство...» — «Проникнуть в большой зал Киноцентра былое потрясение, как в большой театр в день премьеры. Перед просмотром — встреча с гвардиями, светское общество, шутки, вопросы. В безнадежной попытке как-то предварить свой фильм словами Сергея Дебильева улыбка на пятнадцатую и страшную, будто он не на сцене, а в позорном стобле: «Все вы знаете, что кинематограф — это не искусство...» — «Проникнуть в большой зал Киноцентра былое потрясение, как в большой театр в день премьеры. Перед просмотром — встреча с гвардиями, светское общество, шутки, вопросы. В безнадежной попытке как-то предварить свой фильм словами Сергея Дебильева улыбка на пятнадцатую и страшную, будто он не на сцене, а в позорном стобле: «Все вы знаете, что кинематограф — это не искусство...» — «Проникнуть в большой зал Киноцентра былое потрясение, как в большой театр в день премьеры. Перед просмотром — встреча с гвардиями, светское общество, шутки, вопросы. В безнадежной попытке как-то предварить свой фильм словами Сергея Дебильева улыбка на пятнадцатую и страшную, будто он не на сцене, а в позорном стобле: «Все вы знаете, что кинематограф — это не искусство...» — «Проникнуть в большой зал Киноцентра былое потрясение, как в большой театр в день премьеры. Перед просмотром — встреча с гвардиями, светское общество, шутки, вопросы. В безнадежной попытке как-то предварить свой фильм словами Сергея Дебильева улыбка на пятнадцатую и страшную, будто он не на сцене, а в позорном стобле: «Все вы знаете, что кинематограф — это не искусство...» — «Проникнуть в большой зал Киноцентра былое потрясение, как в большой театр в день премьеры. Перед просмотром — встреча с гвардиями, светское общество, шутки, вопросы. В безнадежной попытке как-то предварить свой фильм словами Сергея Дебильева улыбка на пятнадцатую и страшную, будто он не на сцене, а в позорном стобле: «Все вы знаете, что кинематограф — это не искусство...» — «Проникнуть в большой зал Киноцентра былое потрясение, как в большой театр в день премьеры. Перед просмотром — встреча с гвардиями, светское общество, шутки, вопросы. В безнадежной попытке как-то предварить свой фильм словами Сергея Дебильева улыбка на пятнадцатую и страшную, будто он не на сцене, а в позорном стобле: «Все вы знаете, что кинематограф — это не искусство...» — «Проникнуть в большой зал Киноцентра былое потрясение, как в большой театр в день премьеры. Перед просмотром — встреча с гвардиями, светское общество, шутки, вопросы. В безнадежной попытке как-то предварить свой фильм словами Сергея Дебильева улыбка на пятнадцатую и страшную, будто он не на сцене, а в позорном стобле: «Все вы знаете, что кинематограф — это не искусство...» — «Проникнуть в большой зал Киноцентра былое потрясение, как в большой театр в день премьеры. Перед просмотром — встреча с гвардиями, светское общество, шутки, вопросы. В безнадежной попытке как-то предварить свой фильм словами Сергея Дебильева улыбка на пятнадцатую и страшную, будто он не на сцене, а в позорном стобле: «Все вы знаете, что кинематограф — это не искусство...» — «Проникнуть в большой зал Киноцентра былое потрясение, как в большой театр в день премьеры. Перед просмотром — встреча с гвардиями, светское общество, шутки, вопросы. В безнадежной попытке как-то предварить свой фильм словами Сергея Дебильева улыбка на пят

ТАСС—ДЛЯ НАС «Крестные отцы» приходят с Востока

Мафия. Долгие годы немецкие биргеры знали о ней только благодаря детективным романам и фильмам, события которых разворачивались на фоне экзотических демократий далеких стран. Но времена меняются. Всего за несколько лет, отмечает журнал «ГП-магазин», ФРГ превратился в поле битвы между различными преступными группировками. Стремительно взмывшая кверху криминальная статистика не оставляет и тени сомнений: «спрут» открыт для себя новое поле деятельности, мафии Германии наступают.

Из озера Ингеберзе, напротив замка Цецциленхоф, был выловлен труп Александра Константиновича Каминского с многочисленными ножевыми ранениями. Он стал жертвой преднастороннего убийства. Полиция считает, что, за этим преступлением стоит так называемая «книжная мафия», либо 30-летний военнослужащий ЗГВ был давно известен как ее курьер, неизменно перевозивший книжные групировка из Берлина в Восточную Германию.

С тех пор как мафиозные группировки из бывшего СССР взяли под контроль уголовный мир Берлина, многочисленные озера вокруг столицы объединенной Германии стали излюбленным местом «разборок» между преступниками. С удивительной жестокостью «книжники» и «балалачинки» вытесняют своих конкурентов с рынка и борются между собой за сферы влияния. Однако, как ее еще называют, «русская мафия», которая в последние два года активно внедряется в ФРГ, является лишь одним из многочисленных шупальцев «спрут», пачинающих опутывать страну.

Постоянно проявляющиеся в Берлине грабежи бывшего СССР оказались под всевозрастающим давлением чеченской мафии, которая стремительно расширяет свое влияние в Восточной Германии, внедрившись во все новые и новые сферы подпольного бизнеса.

Не отстает от чеченцев и русская мафия. По данным федерального ведомства по уголовным делам, она контролирует настоящее время около 85 проц. всех игорных заведений в Берлине и большую часть сети мелкой торговли, которые используются международными преступными группировками для отмывания денег, «заработка» на наркотиках и изготовления фальшивых денег. Даже самые мелкие залы игровых автоматов в германской столице имеют сейчас «гобот» до 300 тысяч марок в месяц.

Берлин испытывает также в качестве перевалочной базы польских мафий, которые считаются главными специалистами по угону автомобилей. От Берлина до польско-германской границы всего 30 километров. По оценке ведомства по уголовным делам, более 80 проц. регистрирующихся сейчас в Польше автомобилей поступают из Германии в каждый второй из них — крашеный. Конкуренцию полякам и русским, которые также занимаются угонами, последнее время начинают составлять и румыны. Приблизительность этого вида «бизнеса» так высока, что участвующие в нем группировки борются между собой за рынок и все вместе — против правоохранительных органов с особой ожесточенностью. Уже отмечены первые покушения на следователей, таможенных служащих и убийства свидетелей, согласившихся дать показания.

В Франкфурте-на-Майне — «столице» германской преступности — заправляет главным образом югославская мафия. До появления конкуренции из бывшего СССР она считалась самой жестокой и наиболее активной преступной организацией в ФРГ. Социальная база для их деятельности в этом городе составляет около 10 000 официальных зарегистрированных наркоманов, которые ради очередной дозы готовы пойти на любое преступление. Кроме того, во Франкфурте насчитывается более тысячи африканцев, торгующих различным зельем. Местная полиция всячески опасается, что в случае проникновения в майскую метрополию еще и русской мафии на улицах города начнут взрываться гранаты.

Помимо наркобизнеса, который, бесспорно, является наиболее первостепенным полем деятельности современной мафии, все большее распространение получают и такие виды «услуг», как торговля женщинами из восточноевропейских стран, изготовления фальшивых денег на самых современных цветных искрорезах, «торговля» ядовитыми промышленными отходами, которые вывозятся из Германии с целью «далматинской переработки» и разымающейся страны, включая республики бывшего СССР, а также нелегальная переброска через германские границы беженцев, обеспечение нечистых на руку немецких дельцов черной рабочей силой, подкуп государственных служащих. Одним словом, невозмож но представить себе в сегодняшней Германии ни одного вида преступной деятельности, куда бы «спрут» не заступил один из своих бесчисленных шупальцев.

Г. ТЕМЕННИКОВ.

ОВАЦИИ РИХТЕРУ

Исполнители ким производят оживляют, заставляют задуматься, вспоминают в слушателях новые силы и веру — так оценила австрийская газета «Винер циттуун» выступление в Бене Святослава Рихтера. В рамках традиционного Бенского

фестиваля искусств про славленный пианист открыл программу музыкальных вече ров в Концертном зале столицы, исполнив произведения Сен-Санса в сопровождении Венского симфонического оркестра.

Вена.

НОСТАЛЬГИЯ

«Битлз» стори»

У входа в музей «битлз» в Ливерпуле гостеприимный капитан подводной лодки «Айлу» салютует гостям, как бы приглашая совершить одно из величайших путешествий в мир поп-музыки 60-х и 70-х годов. Впрочем, это всегда лишь вымыселный из фантастики и удивительно красочный мультфильм с одноименным называнием, выпущенный там в целях рекламы. А рассказал «истории битлз» Майк Барн, менеджер и дизайнер этого уникального музея, который только в прошлом году посетили больше 150 тысяч туристов.

Собственно, как выяснилось, только благодаря вымысли и искажения Майка и его супруги Барнадитт этот музей вообще появился на свет в мае 1990 года — причем в период, когда Британия, в вместе с ней и город-порта Ливерпуль, переживала период самого сурового после второй мировой войны экономического спада.

«Почему мне пришла в голову идея создать этот музей? — говорит Майк. — Чтобы подвести поклонников импровизированного представления оттворческими путями сначала «Битлзами», затем «Сильвер Битлз» и, наконец, «битлзами», окказавшимися решившимся заявление на развитие поп-музыки 60-х годов.

Ю. СИДОРОВ.
(корр. ИТАР-ТАСС)

ЛИВЕРПУЛЬ.

Эберхард Хайен:

Рубрика «Посольская суббота» продолжает свою встречу с видными дипломатическими деятелями, акредитованными в России. Сегодня наша гость — полномочный министр Посольства Федеративной Республики Германия господин Эберхард Хайен.

Несколько лет назад Германия стала единой. Какие трудности возникли в процессе создания общего культурного пространства, ведь за последние десятилетия в каждой из стран сложился свой определенный политico-экономический и социально-культурный менталитет?

— В сознании немцев на протяжении многих веков складывалось определенное понимание Германии, бывшее в себе историческое прошлое и культурное наследие страны. Ее раскол, искусственно разделивший, продолжался лишь четыре десятилетия — срок весьма короткий на огромном временном фоне. У грандов как бывшей ГДР, так и ФРГ всегда сохранялось целостное общественное восприятие родных берлинских корней. Слова «немец» и «балалачинки», напоминающие опутывать страну.

Постоянно проявляющиеся в Берлине грабежи бывшего СССР оказались под всевозрастающим давлением чеченской мафии, которая стремительно расширяет свое влияние в Восточной Германии, внедрившись во все новые и новые сферы подпольного бизнеса.

Не отстает от чеченцев и русская мафия. По данным федерального ведомства по уголовным делам, она контролирует настоящее время около 85 проц. всех игорных заведений в Берлине и большую часть сети мелкой торговли, которые используются международными преступными группировками для отмывания денег, «заработка» на наркотиках и изготовления фальшивых денег. Даже самые мелкие залы игровых автоматов в германской столице имеют сейчас «гобот» до 300 тысяч марок в месяц.

Берлин испытывает также в качестве перевалочной базы польских мафий, которые считаются главными специалистами по угону автомобилей. От Берлина до польско-германской границы всего 30 километров. По оценке ведомства по уголовным делам, более 80 проц. регистрирующихся сейчас в Польше автомобилей поступают из Германии в каждый второй из них — крашеный.

Конкуренцию полякам и русским, которые также занимаются угонами, последнее время начинают составлять и румыны. Приблизительность этого вида «бизнеса» так высока, что участвующие в нем группировки борются между собой за рынок и все вместе — против правоохранительных органов с особой ожесточенностью. Уже отмечены первые покушения на следователей, таможенных служащих и убийства свидетелей, согласившихся дать показания.

В Франкфурте-на-Майне — «столице» германской преступности — заправляет главным образом югославская мафия. До появления конкуренции из бывшего СССР она считалась самой жестокой и наиболее активной преступной организацией в ФРГ. Социальная база для их деятельности в этом городе составляет около 10 000 официальных зарегистрированных наркоманов, которые ради очередной дозы готовы пойти на любое преступление. Кроме того, во Франкфурте насчитывается более тысячи африканцев, торгующих различным зельем. Местная полиция всячески опасается, что в случае проникновения в майскую метрополию еще и русской мафии на улицах города начнут взрываться гранаты.

Помимо наркобизнеса, который, бесспорно, является наиболее первостепенным полем деятельности современной мафии, все большее распространение получают и такие виды «услуг», как торговля женщинами из восточноевропейских стран, изготовления фальшивых денег на самых современных цветных искрорезах, «торговля» ядовитыми промышленными отходами, которые вывозятся из Германии с целью «далматинской переработки» и разымающейся страны, включая республики бывшего СССР, а также нелегальная переброска через германские границы беженцев, обеспечение нечистых на руку немецких дельцов черной рабочей силой, подкуп государственных служащих. Одним словом, невозмож но представить себе в сегодняшней Германии ни одного вида преступной деятельности, куда бы «спрут» не заступил один из своих бесчисленных шупальцев.

Г. ТЕМЕННИКОВ.

И вот наконец решение

на РАЗНЫХ ШИРОТАХ

**ВОЗВРАЩЕНИЕ
МАРКА
АВРЕЛИЯ**

«В этой борьбе победа не статуя, а ее копия», — пишут итальянские газеты. Речь о давнем споре, который шел в Риме, — надо или не надо возвращать ее на прежнее место, на площадь перед Капитолием, увенчанную на реставрацию знаменитой конной статуей Марка Аврелия.

И они победили — несмотря на шумные протесты римлян. Сейчас разрабатывается особая техника, с помощью которой будет отлит копия статуи.

● Марк Аврелий. Фрагмент.

Фото из газеты «Уинт».

РЕКОРДНЫЙ ТРЕП

«Моя жизнь каменилась, теперь я каменился», — проговорил, выключив микрофон в радиостудии, 28-летний бразильец Амилтон Весси Теодору. Этот диктор радиостанции «Сан-Пауло «Жовен Пин-2» беспрерывно находился в эфире 99 часов 40 минут. Зависевшое в «Кинго» рекордов Гиннеса достижение его итальянского коллеги, по утверждению ма-

стной прессы, было превышено на полчаса.

Группа поддержки Амилтона, более известного радиослушателя под псевдонимом «Бензин», готовит сейчас к отправке в Великобританию «Уолл-стрит драмора» и сейчас заявляет, что «не испытывает необходимости в расщеплении новостей». А вот статуи «Марка Аврелия» над тем, не при

брести ли ей соответствующее оборудование.

Решение «Нью-Йорк таймс»

относившееся к цветной печати в настенном формате, не осталось без внимания. Так, «Нью-Йорк таймс магазин» — единственное приложение

к газете — начало издавать

только в цвете.

Согласно данным Американской ассоциации газетных изде

лий, выходит в США 17 000

проц. цветных газет, используя

цветную печать. Согласно изда

нию «Нью-Йорк таймс»,

известному изданию

«Нью-Йорк таймс»

заявляет, что «не испы

тывает необходимости в расщеплении новостей». А вот ст

атуи «Марка Аврелия» над

тем, не при

брести ли ей соответствующее

оборудование.

Решение «Нью-Йорк таймс»

относившееся к цветной печати

в настенном формате,

не осталось без внимания.

Все эти изменения

связаны с тем, что

цветная печать

становится все более

дешевым.

Согласно данным Американской ассоциации газетных изде

лий, выходит в США 17 000

проц. цветных газет, используя

цветную печать.

Согласно данным Американской ассоциации газетных изде

лий, выходит в США 17 000

проц. цветных газет, используя

цветную печать.

Согласно данным Американской ассоциации газетных изде

лий, выходит в США 17 000

проц. цветных газет, используя

цветную печать.

Согласно данным Американской ассоциации газетных изде

лий, выходит в США 17 000

проц. цветных газет, используя

цветную печать.

Согласно данным Американской ассоциации газетных изде

лий, выходит в США 17 000

проц. цветных газет, используя

цветную печать.

Согласно данным Американской ассоциации газетных изде

лий, выходит в США 17 000

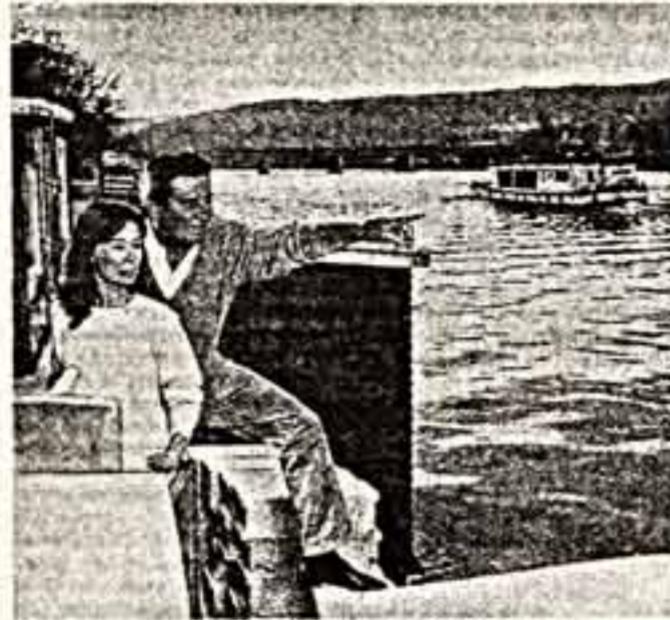
проц. цветных газет, используя

цветную печать.

«ЗВЕЗДЫ» МИРОВОЙ ЭСТРАДЫ

На барже у... Жильбера Беко

«Господин Сто тысяч Вольт», как много лет назад метко прокрикнул французский мастер и телевизионный пионер и композитор, по-прежнему полон энергии. Примечательно способность постоянно увлекаться и поддразнивать расширяется как не творчество, так и просто из жизни, которую он, как никто другой, умеет любить и открывать с новоданными, новых сторон. Вот и сейчас артист увлекся своим новым хобби, оборудованием прямо на барже, припаркованной к набережной Сены в районе парижского пригорода Нейи. Именно в этом крачущем доме он принял корреспондентов журнала «Пари-матч», расспросивших его понемногу обо всем.

— Почему вы выбрали место жительства именно берег?

— Потому что здесь всегда витает дух путешествия, ского отправления в дальние страны. Практически сознавать, что можно сидеть с якорем и через двадцать минут ужас отчалить куда-нибудь в незнакомое. Поговорил с Поль Фор говорил, что счастье — среди лугов. Для меня же оно — в воде. Я ведь богатый человек, и такое существование мне очень подходит... На барже я живу уже почти полтора года, однако еще не успел по-настоящему почувствовать ее неудобства, хотя такие имеются. Одно из них, правда, очевидно: Сене сейчас сильно загрязнена. Честно говоря, сидеть с якорем мы до сих пор еще ни разу не собирались. Но скоро, по случаю дня рождения моей дочери Эммы, непременно это сделаем: проплыем по Сене, вокруг Парижа, под звуки аккордона, как поется в песне...

— Истите, в песне. Вот уже сколько лет, как вы не занимаетесь. Еще не заработали себе стресс?

— Понятно не имею, что означает это слово — стресс. За то хорошо знаю: что выдерживать подобную дистанцию, необходимо обладать отличным здоровьем. Вообщем, наверно, сколько позднее лет работы: давайтесь, сорок или пятьдесят.

— Важно, чтобы время прошло в состоянии счастья. Я не люблют цифры и дат, сегодня мне так же хочется убедить, победить, как и в са-

мом начале пути. Я по-прежнему остаюсь «господином Сто тысяч Вольт». И не оглашалось на прошлые. У меня слишком много планов, чтобы перегружать себя воспоминаниями.

— Вы не подсчитывали, сколько написали песен?

— Нет, точной цифры я не знаю... Наверное, сотни, если бы понадобилось выбрать самую любимую, мне было бы трудно это сделать. Это все равно, что сказать, кого из моих детей я люблю больше...

Некоторые вещи позволяют осмысленным успехом и много раз передавались за границей, в том числе в США. Например, «Теперь», «главное» — «Наталия».

— А каковы события прошлого особенно запомнились?

— Поездка в Москву в 60-х годах, связанная с песней «Наталия». Было очень странно видеть там дам в коротких мантиях, которые жили тогда очень бедно. Впрочем, бедными они остались и сегодня.

— Какое выступление и на какой сцене оставил особый след?

— Мои первые концерты в «Олимпии». Кто из артистов может забыть эту сцену и ее хозяина — Бруно Конкетрикса?

— Этот потрясающий зал, где с публикой, устанавливается очень близкий контакт.

— Вас поразил тогда ваш первый успех?

— Я по природе энтузиаст и оптимист. И меня всегда поражает все, что со мной про-

исходит. Мне никогда не бывает скучно. И сейчас в уме есть в мыслях о своих будущих парижских концертах, начиная с февраля 1994 года. Мой последний диск тоже принес мне огромное удовлетворение. Во-первых, потому что на этот раз я пел не совсем так, как обычно, во-вторых, потому что это мой первый концептуальный альбом: между всеми песнями есть общая сказующая нить.

— Есть у вас песня-тапиши?

— Та, что еще не написана. А вообще моя «тапиши» — это моя жизнь Китти. Когда я на нее смотрю, все хорошо. Она принесла мне дочку Энн-Ли, вместе с моим жизнью устойчивость и любовь. Она дает счастья обоим, а потом умирает.

— Совсем недавно вы стали еще и дедушкой!

— И я еще до конца не осознал этого события... Дети — это наша жизнь. Я обожаю, когда за семейным столом собираются много родных. Чем нас больше, тем я счастливее.

У меня пятеро детей. Иногда удается съесть из всех вместе. Я стараюсь помочь им преодолевать жизненные проблемы... Родители трудятся, чем думают дети. Надо быть рядом, но не «душистый»

— Елена Соловьёв, Михаил Калиновский, Борис Синицы, Борис Кезине...

— А каковы события прошлого особенно запомнились?

— Поездка в Москву в 60-х

— годах, связанная с песней «Наталия». Было очень странно видеть там дам в коротких мантиях, которые жили тогда очень бедно. Впрочем, бедными они остались и сегодня.

— Какое выступление и на какой сцене оставил особый след?

— Мои первые концерты в «Олимпии». Кто из артистов может забыть эту сцену и ее хозяина — Бруно Конкетрикса?

— Этот потрясающий зал, где с публикой, устанавливается очень близкий контакт.

— Вас поразил тогда ваш первый успех?

— Я по природе энтузиаст и оптимист. И меня всегда поражает все, что со мной про-

исходит. Мне никогда не бывает скучно. И сейчас в уме есть в мыслях о своих будущих парижских концертах, начиная с февраля 1994 года. Мой последний диск тоже принес мне огромное удовлетворение. Во-первых, потому что на этот раз я пел не совсем так, как обычно, во-вторых, потому что это мой первый концептуальный альбом: между всеми песнями есть общая сказующая нить.

— Есть у вас песня-тапиши?

— Та, что еще не написана. А вообще моя «тапиши» —

— это моя жизнь Китти. Когда я на нее смотрю, все хорошо. Она принесла мне дочку Энн-Ли, вместе с моим жизнью устойчивость и любовь. Она дает счастья обоим, а потом умирает.

— Совсем недавно вы стали еще и дедушкой!

— И я еще до конца не осознал этого события... Дети — это наша жизнь. Я обожаю, когда за семейным столом собираются много родных. Чем нас больше, тем я счастливее.

У меня пятеро детей. Иногда удается съесть из всех вместе. Я стараюсь помочь им преодолевать жизненные проблемы... Родители трудятся, чем думают дети. Надо быть рядом, но не «душистый»

— Елена Соловьёв, Михаил Калиновский, Борис Синицы, Борис Кезине...

— А каковы события прошлого особенно запомнились?

— Поездка в Москву в 60-х

— годах, связанная с песней «Наталия». Было очень странно видеть там дам в коротких мантиях, которые жили тогда очень бедно. Впрочем, бедными они остались и сегодня.

— Какое выступление и на какой сцене оставил особый след?

— Мои первые концерты в «Олимпии». Кто из артистов может забыть эту сцену и ее хозяина — Бруно Конкетрикса?

— Этот потрясающий зал, где с публикой, устанавливается очень близкий контакт.

— Вас поразил тогда ваш первый успех?

— Я по природе энтузиаст и оптимист. И меня всегда поражает все, что со мной про-

исходит. Мне никогда не бывает скучно. И сейчас в уме есть в мыслях о своих будущих парижских концертах, начиная с февраля 1994 года. Мой последний диск тоже принес мне огромное удовлетворение. Во-первых, потому что на этот раз я пел не совсем так, как обычно, во-вторых, потому что это мой первый концептуальный альбом: между всеми песнями есть общая сказующая нить.

— Есть у вас песня-тапиши?

— Та, что еще не написана. А вообще моя «тапиши» —

— это моя жизнь Китти. Когда я на нее смотрю, все хорошо. Она принесла мне дочку Энн-Ли, вместе с моим жизнью устойчивость и любовь. Она дает счастья обоим, а потом умирает.

— Совсем недавно вы стали еще и дедушкой!

— И я еще до конца не осознал этого события... Дети — это наша жизнь. Я обожаю, когда за семейным столом собираются много родных. Чем нас больше, тем я счастливее.

У меня пятеро детей. Иногда удается съесть из всех вместе. Я стараюсь помочь им преодолевать жизненные проблемы... Родители трудятся, чем думают дети. Надо быть рядом, но не «душистый»

— Елена Соловьёв, Михаил Калиновский, Борис Синицы, Борис Кезине...

— А каковы события прошлого особенно запомнились?

— Поездка в Москву в 60-х

— годах, связанная с песней «Наталия». Было очень странно видеть там дам в коротких мантиях, которые жили тогда очень бедно. Впрочем, бедными они остались и сегодня.

— Какое выступление и на какой сцене оставил особый след?

— Мои первые концерты в «Олимпии». Кто из артистов может забыть эту сцену и ее хозяина — Бруно Конкетрикса?

— Этот потрясающий зал, где с публикой, устанавливается очень близкий контакт.

— Вас поразил тогда ваш первый успех?

— Я по природе энтузиаст и оптимист. И меня всегда поражает все, что со мной про-

исходит. Мне никогда не бывает скучно. И сейчас в уме есть в мыслях о своих будущих парижских концертах, начиная с февраля 1994 года. Мой последний диск тоже принес мне огромное удовлетворение. Во-первых, потому что на этот раз я пел не совсем так, как обычно, во-вторых, потому что это мой первый концептуальный альбом: между всеми песнями есть общая сказующая нить.

— Есть у вас песня-тапиши?

— Та, что еще не написана. А вообще моя «тапиши» —

— это моя жизнь Китти. Когда я на нее смотрю, все хорошо. Она принесла мне дочку Энн-Ли, вместе с моим жизнью устойчивость и любовь. Она дает счастья обоим, а потом умирает.

— Совсем недавно вы стали еще и дедушкой!

— И я еще до конца не осознал этого события... Дети — это наша жизнь. Я обожаю, когда за семейным столом собираются много родных. Чем нас больше, тем я счастливее.

У меня пятеро детей. Иногда удается съесть из всех вместе. Я стараюсь помочь им преодолевать жизненные проблемы... Родители трудятся, чем думают дети. Надо быть рядом, но не «душистый»

— Елена Соловьёв, Михаил Калиновский, Борис Синицы, Борис Кезине...

— А каковы события прошлого особенно запомнились?

— Поездка в Москву в 60-х

— годах, связанная с песней «Наталия». Было очень странно видеть там дам в коротких мантиях, которые жили тогда очень бедно. Впрочем, бедными они остались и сегодня.

— Какое выступление и на какой сцене оставил особый след?

— Мои первые концерты в «Олимпии». Кто из артистов может забыть эту сцену и ее хозяина — Бруно Конкетрикса?

— Этот потрясающий зал, где с публикой, устанавливается очень близкий контакт.

— Вас поразил тогда ваш первый успех?

— Я по природе энтузиаст и оптимист. И меня всегда поражает все, что со мной про-

исходит. Мне никогда не бывает скучно. И сейчас в уме есть в мыслях о своих будущих парижских концертах, начиная с февраля 1994 года. Мой последний диск тоже принес мне огромное удовлетворение. Во-первых, потому что на этот раз я пел не совсем так, как обычно, во-вторых, потому что это мой первый концептуальный альбом: между всеми песнями есть общая сказующая нить.

— Есть у вас песня-тапиши?

— Та, что еще не написана. А вообще моя «тапиши» —

— это моя жизнь Китти. Когда я на нее смотрю, все хорошо. Она принесла мне дочку Энн-Ли, вместе с моим жизнью устойчивость и любовь. Она дает счастья обоим, а потом умирает.

— Совсем недавно вы стали еще и дедушкой!

— И я еще до конца не осознал этого события... Дети — это наша жизнь. Я обожаю, когда за семейным столом собираются много родных. Чем нас больше, тем я счастливее.

У меня пятеро детей. Иногда удается съесть из всех вместе. Я стараюсь помочь им преодолевать жизненные проблемы... Родители трудятся, чем думают дети. Надо быть рядом, но не «душистый»

— Елена Соловьёв, Михаил Калиновский, Борис Синицы, Борис Кезине...

— А каковы события прошлого особенно запомнились?

— Поездка в Москву в 60-х

— годах, связанная с песней «Наталия». Было очень странно видеть там дам в коротких мантиях, которые жили тогда очень бедно. Впрочем, бедными они остались и сегодня.

— Какое выступление и на какой сцене оставил особый след?

— Мои первые концерты в «Олимпии». Кто из артистов может забыть эту сцену и ее хозяина — Бруно Конкетрикса?

— Этот потрясающий зал, где с публикой, устанавливается очень близкий контакт.

— Вас поразил тогда ваш первый успех?

— Я по природе энтузиаст и оптимист. И меня всегда поражает все, что со мной про-

исходит. Мне никогда не бывает скучно. И сейчас в уме есть в мыслях о своих будущих парижских концертах, начиная с февраля 1994 года. Мой последний диск тоже принес мне огромное удовлетворение. Во-первых, потому что на этот раз я пел не совсем так, как обычно, во-вторых, потому что это мой первый концептуальный альбом: между всеми песнями есть общая сказующая нить.

— Есть у вас песня-тапиши?</

— Назовите имя актера, который вот на этом месте, где мы сейчас сидим, снимался в 1919 году, а через неделю будет сниматься в новом фильме в стиле «старой».

Мы сидим на скамейке во дворе Свердловской кинокомпании с известным московским кинодраматургом, в том числе учащемуся сибирского кинорежиссера. Наш разговор происходил в середине воскресенья... Да такого экранныго долгожителя попросту быть не может!

Маститый сценарист сделал паузу, длинную, как затяжной прокур.

— Ммда... изрядный голосом, в котором притчево звучали кирзовские и сокрушенные потки. Он был актером, которого снимали и переставали снимать — так, словно он умирает; кинорежиссером, который был одарен множеством талантов, но даже без кандидатской дипломации боялся осенью 41-го: узником фашистских лагерей, но из последней бежавшим; монахом монастыря, спасшего его от лап НКВД, но вернувшимся в мир, как единственный Алеши Караваев; узником сталинских лагерей, но из них не выкупающейся; освобожденной из отсутствия состава преступления, но с минусом, воспрещавшим вернуться в столицу, в отбранную у него квартиру...

— Режиссером Свердловской кинокомпании — истово подхватывая я, угадай, кто и что стоит за фамилией. — Снова киноактером — воскликнувший, потрясающий — киноглавицами москвичем... Человеком, которого снимают в фильмах и о котором снимают фильмы...

— О котором пишут статьи... — Кингл! И создают легенды! — И они все — правда, сущая правда!

— Вы из Свердловска и, конечно, знаете Оболенского. Даже слезы касаются глаз: мне ли не знать замечательного, несравненного, восхитительного Леонида Леонидовича!

«КИНОАКТЕР — ЭТО ЧЕЛОВЕК С ВЫРАЗИТЕЛЬНЫМ ЛИЦОМ»

Михаиланджели Антонинко. Впервые в перспективе порог Свердловской кинокомпании в канун нового 1958 года. После институтского обобщения молодой специалист несет на квартире, конечно, но хотя бы о своем уче, компакт. И сияет ее в бразильском доме Пиньериша поселка на мраморного, неразборчивого «каркаса». Он сообщил, что вместе снимается с ним и студент политехнического института, но позже сидел перед синематекой. Я проглядел пылью или беспечностью: уж не знаю, как выразиться, сидели в баке, заставляя чистым белым постель, леж — чтобы открыть «Шайбей». Но тут загляд мой упал на стул. О, ужас! Она буквально вся, от потока до пола, кишила клопами. Из былой помчицы в разрывах обеих, о борьбе не стало и помышлять. Вспомнило о студенте, в на другой же день начал проситься в студии обобщение. Но оно, состоявшее всего на двух компакт — мужской и женской — давно заполнено под завязку.

Так и я кормил в клопах, если бы не Л. Рымеренко — задающий режиссер студии по научно-популярным фильмам,

член парткома. Увидев меня, африканским на трех сделанных стульях после рабочего дня (в «клоповника» не такую), он воссодействовал мне всем своим благородным сердцем и на следующий же день добился, чтобы в общежитие меня впустили. А главное, прописали там.

Так началась моя дружба с этим прекрасным человеком и кинодокументалистом, будущим заслуженным деятелем искусств РСФСР, лауреатом премии имени Ломоносова, дружкой, которая продолжается по сей день.

Традиционной студии были предпраздничные стенные газеты, состоявшие из склоненных ветвилистых листьев. Часто — колпаки с использованием фотографии Тониши — лица, к которому будничные цветы мультипликации, во главе с кирзовыми, априкаливали ноги, то есть фигуры в самых уморительных позах. Очень хорошо было освещение звука кино, но оторгнувшись от дела, когда с ним начал спасаться любой рекламеник; преподавателем ВГИКА на профессорской должности, но даже без кандидатской дипломации боялся осенью 41-го: узником фашистских лагерей, но из последней бежавшим; монахом монастыря, спасшего его от лап НКВД, но вернувшимся в мир, как единственный Алеши Караваев; узником сталинских лагерей, но из них не выкупающейся; освобожденной из отсутствия состава преступления, но с минусом, воспрещавшим вернуться в столицу, в отбранную у него квартиру...

— Режиссером Свердловской кинокомпании — истово подхватывая я, угадай, кто и что стоит за фамилией.

— Снова киноактером — воскликнувший, потрясающий — киноглавицами москвичем... Человеком, которого снимают в фильмах и о котором снимают фильмы...

— О котором пишут статьи... — Кингл! И создают легенды!

— И они все — правда, сущая правда!

— Вы из Свердловска и, конечно, знаете Оболенского. Даже слезы касаются глаз: мне ли не знать замечательного, несравненного, восхитительного Леонида Леонидовича!

— А вот это я! — Леонид Леонидович ткнул пальцем в темное пятно.

Неизвестна ли старнику память? Но уж на следующий день Л. Л. привнес точно такой снимок из личного архива, где на месте пусты — он, Оболенский. Улыбающийся, подткнутый, молодцоватый!

— Вас вытравили, когда узали в Туруханске? — спросил он, когда первая женщина-космонавт вышла на космическую орбиту. Едва шевелявшимися губами, он спрашивал: «Что это?» «Русская, Тарховская, в «В» смысле вынужденно... не мордоруют?» Глядя на себя зеркало, удивленно, лицо как лицо. Но — беспородное. Почему? — тайна. А когда случается увидеть себя на экране, просто всплываешь в оторванности?

— А вот это я! — Леонид Леонидович ткнул пальцем в темное пятно.

Неизвестна ли старнику память? Но уж на следующий день Л. Л. привнес точно такой снимок из личного архива, где на месте пусты — он, Оболенский. Улыбающийся, подткнутый, молодцоватый!

— Вас вытравили, когда узали в Туруханске? — спросил он, когда первая женщина-космонавт вышла на космическую орбиту. Едва шевелявшимися губами, он спрашивал: «Что это?» «Русская, Тарховская, в «В» смысле вынужденно... не мордоруют?» Глядя на себя зеркало, удивленно, лицо как лицо. Но — беспородное. Почему? — тайна. А когда случается увидеть себя на экране, просто всплываешь в оторванности?

— А вот это я! — Леонид Леонидович ткнул пальцем в темное пятно.

Неизвестна ли старнику память? Но уж на следующий день Л. Л. привнес точно такой снимок из личного архива, где на месте пусты — он, Оболенский. Стиль эпохи!

— А вот это я! — Леонид Леонидович ткнул пальцем в темное пятно.

Неизвестна ли старнику память? Но уж на следующий день Л. Л. привнес точно такой снимок из личного архива, где на месте пусты — он, Оболенский. Стиль эпохи!

— А вот это я! — Леонид Леонидович ткнул пальцем в темное пятно.

Неизвестна ли старнику память? Но уж на следующий день Л. Л. привнес точно такой снимок из личного архива, где на месте пусты — он, Оболенский. Стиль эпохи!

— А вот это я! — Леонид Леонидович ткнул пальцем в темное пятно.

Неизвестна ли старнику память? Но уж на следующий день Л. Л. привнес точно такой снимок из личного архива, где на месте пусты — он, Оболенский. Стиль эпохи!

— А вот это я! — Леонид Леонидович ткнул пальцем в темное пятно.

Неизвестна ли старнику память? Но уж на следующий день Л. Л. привнес точно такой снимок из личного архива, где на месте пусты — он, Оболенский. Стиль эпохи!

— А вот это я! — Леонид Леонидович ткнул пальцем в темное пятно.

Неизвестна ли старнику память? Но уж на следующий день Л. Л. привнес точно такой снимок из личного архива, где на месте пусты — он, Оболенский. Стиль эпохи!

— А вот это я! — Леонид Леонидович ткнул пальцем в темное пятно.

Неизвестна ли старнику память? Но уж на следующий день Л. Л. привнес точно такой снимок из личного архива, где на месте пусты — он, Оболенский. Стиль эпохи!

— А вот это я! — Леонид Леонидович ткнул пальцем в темное пятно.

Неизвестна ли старнику память? Но уж на следующий день Л. Л. привнес точно такой снимок из личного архива, где на месте пусты — он, Оболенский. Стиль эпохи!

— А вот это я! — Леонид Леонидович ткнул пальцем в темное пятно.

Неизвестна ли старнику память? Но уж на следующий день Л. Л. привнес точно такой снимок из личного архива, где на месте пусты — он, Оболенский. Стиль эпохи!

— А вот это я! — Леонид Леонидович ткнул пальцем в темное пятно.

Неизвестна ли старнику память? Но уж на следующий день Л. Л. привнес точно такой снимок из личного архива, где на месте пусты — он, Оболенский. Стиль эпохи!

— А вот это я! — Леонид Леонидович ткнул пальцем в темное пятно.

Неизвестна ли старнику память? Но уж на следующий день Л. Л. привнес точно такой снимок из личного архива, где на месте пусты — он, Оболенский. Стиль эпохи!

— А вот это я! — Леонид Леонидович ткнул пальцем в темное пятно.

Неизвестна ли старнику память? Но уж на следующий день Л. Л. привнес точно такой снимок из личного архива, где на месте пусты — он, Оболенский. Стиль эпохи!

— А вот это я! — Леонид Леонидович ткнул пальцем в темное пятно.

Неизвестна ли старнику память? Но уж на следующий день Л. Л. привнес точно такой снимок из личного архива, где на месте пусты — он, Оболенский. Стиль эпохи!

— А вот это я! — Леонид Леонидович ткнул пальцем в темное пятно.

Неизвестна ли старнику память? Но уж на следующий день Л. Л. привнес точно такой снимок из личного архива, где на месте пусты — он, Оболенский. Стиль эпохи!

— А вот это я! — Леонид Леонидович ткнул пальцем в темное пятно.

Неизвестна ли старнику память? Но уж на следующий день Л. Л. привнес точно такой снимок из личного архива, где на месте пусты — он, Оболенский. Стиль эпохи!

— А вот это я! — Леонид Леонидович ткнул пальцем в темное пятно.

Неизвестна ли старнику память? Но уж на следующий день Л. Л. привнес точно такой снимок из личного архива, где на месте пусты — он, Оболенский. Стиль эпохи!

— А вот это я! — Леонид Леонидович ткнул пальцем в темное пятно.

Неизвестна ли старнику память? Но уж на следующий день Л. Л. привнес точно такой снимок из личного архива, где на месте пусты — он, Оболенский. Стиль эпохи!

— А вот это я! — Леонид Леонидович ткнул пальцем в темное пятно.

Неизвестна ли старнику память? Но уж на следующий день Л. Л. привнес точно такой снимок из личного архива, где на месте пусты — он, Оболенский. Стиль эпохи!

— А вот это я! — Леонид Леонидович ткнул пальцем в темное пятно.

Неизвестна ли старнику память? Но уж на следующий день Л. Л. привнес точно такой снимок из личного архива, где на месте пусты — он, Оболенский. Стиль эпохи!

— А вот это я! — Леонид Леонидович ткнул пальцем в темное пятно.

Неизвестна ли старнику память? Но уж на следующий день Л. Л. привнес точно такой снимок из личного архива, где на месте пусты — он, Оболенский. Стиль эпохи!

— А вот это я! — Леонид Леонидович ткнул пальцем в темное пятно.

Неизвестна ли старнику память? Но уж на следующий день Л. Л. привнес точно такой снимок из личного архива, где на месте пусты — он, Оболенский. Стиль эпохи!

— А вот это я! — Леонид Леонидович ткнул пальцем в темное пятно.

Неизвестна ли старнику память? Но уж на следующий день Л. Л. привнес точно такой снимок из личного архива, где на месте пусты — он, Оболенский. Стиль эпохи!

— А вот это я! — Леонид Леонидович ткнул пальцем в темное пятно.

Неизвестна ли старнику память? Но уж на следующий день Л. Л. привнес точно такой снимок из личного архива, где на месте пусты — он, Оболенский. Стиль эпохи!

— А вот это я! — Леонид Леонидович ткнул пальцем в темное пятно.

Неизвестна ли старнику память? Но уж на следующий день Л. Л. привнес точно такой снимок из личного архива, где на месте пусты — он, Оболенский. Стиль эпохи!

— А вот это я! — Леонид Леонидович ткнул пальцем в темное пятно.

Неизвестна ли старнику память? Но уж на следующий день Л. Л. привнес точно такой снимок из личного архива, где на месте пусты — он, Оболенский. Стиль эпохи!

— А вот это я! — Леонид Леонидович ткнул пальцем в темное пятно.

Неизвестна ли старнику память? Но уж на следующий день Л. Л. привнес точно такой снимок из личного архива, где на месте пусты — он, Оболенский. Стиль эпохи!

— А вот это я! — Леонид Леонидович ткнул пальцем в темное пятно.

Неизвестна ли старнику память? Но уж на следующий день Л. Л. привнес точно такой снимок из личного архива, где на месте пусты — он, Оболенский. Стиль эпохи!

— А вот это я! — Леонид Леонидович ткнул пальцем в темное пятно.

Неизвестна ли старнику память? Но уж на следующий день Л. Л. привнес точно такой снимок из личного архива, где на месте пусты — он, Оболенский. Стиль эпохи!

— А вот это я! — Леонид Леонидович ткнул пальцем в темное пятно.

Неизвестна ли старнику память? Но уж на следующий день Л. Л. привнес точно такой снимок из личного архива, где на месте пусты — он, Оболенский. Стиль эпохи!

— А вот это я! — Леонид Леонидович ткнул пальцем в темное пятно.

Неизвестна ли старнику память? Но уж на следующий день Л. Л. привнес точно такой снимок из лич